

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-34-38

ЛАТИНСКИЕ, ИТАЛЬЯНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ И ИХ ЭМОТИВНЫЙ СТАТУС В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Пугачева Е.Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. В статье рассматривается способность отрезков со сменным субъектом речи передавать эмотивное состояние пишущего. Переключение кодов с одной языковой системы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста. Именно с позиций дискурсного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропологическим подходами и учитывающим экстралингвистические факторы, автору удаётся найти достойный ключ к пониманию дневникового наследия Л.Н. Толстого. Основным выводом проведённой работы считаем: гибридность текста, т. е. способность включать несколько сменных субъектов речи, прослеживается как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, аллюзия, реминисценция, глубинный смысл.

LATIN, ITALIAN AND GREEK INTERTEXTUAL INCLUSIONS AND THEIR EMOTIVE STATUS IN THE DIARY DISCOURSE OF L.N. TOLSTOY

E. Pugacheva

Moscow Region State University

24 ulitsa Vera Voloshina, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article analyses the ability of the texts with a formally different subject of speech to render the emotive condition of the author. The author makes a conclusion, that the shift of language codes from one system to another significantly increases the emotiveness and sense capacity of the text. That is due to discursive analyses, characterized by functional and anthropological approaches that the author finds the clue to understanding of the text. The main conclusion of the work is that text hybridity, which is the ability to include several subjects of speech, is conveyed both through the form and the context.

Key words: intertextuality, precedent, intertextual inclusions, quotation, allusion, reminiscences, innermost sense.

Цель статьи – проследить особенности вербализации эмотивного состояния языковой личности при переключении на иностранный язык. Как вытекает из поставленной цели, **объектом исследования** выступают отрезки текста

со сменным субъектом речи **на предмет** их способности к передаче эмотивного состояния пишущего. **Материалом исследования** послужили записи дневников Л.Н. Толстого за период с 1847 по 1894 гг.

Порядок исследования подразумевает несколько взаимозависимых этапов: 1) идентификацию общего отношения Л.Н. Толстого к тому или иному языку и культуре; 2) поуровневое изучение функциональности иноязычных интертекстуальных вкраплений; 3) выделение средств передачи эмотивного модуса языковой личности.

Будучи прирождённым естествоиспытателем, увлечённым развитием научной мысли, Л.Н. Толстой скрупулёзно относился к тонкостям терминологического характера, названия болезни называл по латыни, например: *инфлюэнца* вместо простуды; *Varis* увеличивался [1, с. 234].

Варис – расширение вен (лат.), но смысл и оценка, заложенные в оригинал и перевод, разные. *Varis* – это нечто серьёзное, требующее особого внимания, неясное обывателю и, соответственно, выделяющее болеющего в представителей редкого, аристократического заболевания. В целом, как гласит народная мудрость: чем больше фокус нашего внимания на болезни, тем сильнее проявляется её течение, тем аффективней последствия. И напротив: чем меньшее сопротивление мы оказываем возникшему недугу, тем легче его течение и скорее выздоровление. В приведённом примере аллитерирует звук [в], который как раз и привносит элемент непротivления и приветствия. Ритмико-организационный момент также играет роль в формировании модальности: при-

сутствует стопа хорей, убаюкивающая бдительность воспринимающего, что также передаёт положительное авторское отношение к описываемому.

Пример использования латинской фразы в качестве интертекстуального вкрапления, формирующего эмоциональный модус автора: *Здесь в городе пришел Грот с Зверевым и еще Лопатиным: папиросы, юбилеи, сборники, обеды с вином и при этом по призванию философская болтовня. Ното homini lupis, бога нет, нравственных принципов нет – одно течение. Страшные лицемеры, книжники и вредные* [1, с. 352].

Обратим внимание, что в приведённом предложении превалируют существительные, формирующие калейдоскоп событий, кружащих в вихре всё и вся, что попадает в него. Зевгма создает эффект «помойки» и акцентирует отрицательное эмоциональное состояние автора. Заметим, что Толстой был адептом здорового образа жизни: много уделял внимания физической активности на свежем воздухе; питался тем, что сам производил; много занимался духовным здоровьем через пост и молитву. А в приведённом предложении каждое второе слово – аналог греха: папиросы (не создавай себе кумира), обеды с вином (грех чревоугодия), философская болтовня (не поминай имя Господа всуе), *Ното homini lupis* (гнев, зависть, алчность): человек человеку – волк.

Включение латинского интертекстуального вкрапления служит концентратом душевного состояния деревенского жителя (метафорически – одинокого волка), попавшего в городские условия, как в сети (метафорический элемент охоты). Заметим, что включённая образность – двусторон-

няя, как и сам символ волка. С одной стороны, волк – символ жестокости и коварства, вероломства и кровожадности; с другой – это символ благородства и плодородия. Однако Л.Н. Толстому как великолепному психологу, знатоку человеческой души страшнее не то, что человек экзерсирует указанные грехи, но пытается скрыть их под прочими масками. Уход от реальности создаёт эффект безысходности. Жизнь в обществе с противоречиями вместо идеалов добра обрекали его творчество на непонимание.

Использование нескольких интертекстуальных вкраплений для передачи эмотивного состояния: *Вечер у Перфильевых. Скучные старики. Знаю, Васюк, знаю твои грехи. Как пошло тихое обманывание друг друга – счеты. А может, и мне судьба тоже. Memento, Дублицкий, старый черт, дядя Лявон. А чувствуешь: «Mein schones Herz». Главное, кажется, так бы просто, в пору, ни страсти, ни страху, ни секунды раскаянья* [1, с. 251].

Представленная выдержка – яркий пример дискурсного начала. Нашему взору представлен диалог как с некими сторонними лицами, окружающими Льва Николаевича, так и с самим собой и с Читателем дневника. Обращения фамильярного характера, прямая речь, иностранные вкрапления, аллитерации и повторы создают живость этого общения и иллюстративную яркость. В приведённом отрывке интертекстуальные вкрапления на итальянском и немецком языках: *Memento* – помни!, *Mein schones Herz* – моё прекрасное сердце. О чём может свидетельствовать такое лингвистическое нагромождение?

Прежде всего, думается, что пере-

ключения кода – это всегда акцентуация внимания и подчёркивание важности сказанного. Это также может сигнализировать о переключении во времени на некий момент в прошлом, когда использованная лексическая единица служит кодом воспоминаний и неразрешённых конфликтов. Не ускользает и насыщенная эмоциональная составляющая данной лексической единицы.

Думается, что Л.Н. Толстой сознательно сократил знаменитое выражение *memento mori*. Считают, что первоисточник этого выражения – вторая книга «Истории» Геродота. Во времена Средневековья эти слова стали формой приветствия членов ордена траппистов, камальдулов и капуцинов. Обмениваясь при встрече словами *memento mori*, монахи напоминали друг другу о том, что человек должен жить достойно, чтобы избежать кары за грехи на том свете. Употребляется также и как напоминание о неотвратимости смерти, а в переносном смысле – об угрожающей опасности, как эмблема смерти. Все эти значения в какой-то мере соприкасаются [2].

Заметим, что на стыке выявленные лексические единицы создают взрыв, коллапс, несогласие между собой, чем увеличивают накопленный эмотивный заряд: с одной стороны – «Помни о смерти!», с другой – сердце трепещет, горит, сияет, просит жизни и упорствует в отказе думать о конечности существования. В этом, думается, проявляется основной человеческий грех. Не зря Л.Н. Толстой писал о старости как о самом неожиданном явлении жизни: «Только старикам, как мне, заметна эта краткость, временность жизни. Это так ясно, когда один за

другим вокруг тебя исчезают люди... И стоит ли того, появившись на такой короткий промежуток времени, в этот короткий промежуток времени наврать, напутать, наделать глупости» [1, с. 513]. Попутно заметим, что посредством возврата к тем или иным темам Толстой полемизирует с самим собой – старый, умудрённый с молодым и неопытным. Получается, что происходит диалог эпох, культур, ценностей, пытающихся создавать паритет, равенство, взаимодействие на дружеских началах.

Л.Н. Толстой привлекал и греческие интертекстуальные вкрапления: *Думал: в науке неправильно одно значение, которое ей придается. Они, ученые (профессора), делают некоторое определенное дело и нужное, они собирают, сличают, компилируют все однородное. Они, каждый из них, справочная контора, а их труды справочные книги. Например, в Δίδαχαι¹ собрано все, касающееся этого, и это полезно, но выводы не полезны и глупы [1, с. 362] – и даже активно пользовался языком*

математики: Решение уравнений со многими x, y, z , когда придано произвольно X самое нарочное нелепое решение [1, с. 397].

Заметим, что при всём многообразии возможностей передачи смыслов Л.Н. Толстой не предавал родного слова, делая акцент, что прибегал к прочим языкам лишь для того, чтоб не ускользнул фокус с русской лексической единицы: *Русский человек в минуту опасности любит показывать, что чувствует, или действительно чувствует больше страха потерять порученные ему или собственные вещи, чем жизнь* [1, с. 128]. Данной метафорической фразой можно обозначить стремление Л.Н. Толстого любой ценой, даже иностранным словом, научить людей русских смыслу добра. Таким образом, именно служа своему предназначению, автор дневникового дискурса выбирал адекватные средства воздействия на реципиента.

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н.К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.
2. Memento mori [Электронный ресурс] // Tokakoka.ru : [сайт]. URL: <https://www.tokakoka.ru/memento-mori> (дата обращения: 28.11.2017).

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. [Diaries 1895–1910]. In: *Tolstoy L.N. Sobranie sochinenii. Vol. 19* [Collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1965. 670 p.
2. [Memento mori]. In: *Tokakoka.ru*. Available at: <https://www.tokakoka.ru/memento-mori> (accessed: 28.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

¹ Учение (греч.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pugacheva – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачева Е.Ю. Латинские, итальянские и греческие интертекстуальные вкрапления и их эмотивный статус в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 4. С. 34–38.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-34-38

FOR CITATION

Pugacheva E.Yu. Latin, Italian and Greek Intertextual Inclusions and their Emotive Status in the Diary Discourse of L.N. Tolstoy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 4, pp. 34–38.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-34-38